

Пролог

— Мужики принесли его. — Подруга погладила плечо Аксины, глянула на нее тревожно.

Аксинья кивнула. Не нужны ей были объяснения, и так ясно, кого несли сейчас к избе мужики. На широкой сосновой доске лежал узкий сверток, замотанный в полотно белого льна — Марфа дала, не пожалела доброй ткани.

Аксинья вышла на порог и схватилась за перильце, ноги ее подгибались, горло пересохло, а перед глазами сгушалась тьма. Как посмотреть на него, как пережить, как прощения молить за содеянное...

Снявши шапки, мужики осторожно положили на стол доску с полотняным свертком. Перекрестились перед покойником, поклонились иконам. Георгий Заяц бросил сочувственный взгляд на Аксиныю, но побоялся вымолвить хоть слово — так страшен был ее вид.

— Георгий, ты скажи, как... — Она теряла слова, не понимала, как завершить страшный свой вопрос.

— Он лежал подле коровы. Рядом рога... коровьи кости, обгоревшие.

— Мучился? — зачем-то спросила Аксинья и спохватилась. Ведь и сама знала о том, как страшна смерть сгоревшего заживо человека.

Аксинья и подруга ее, Прасковья, застыли над покойником. Последнюю ночь проведет он в доме невесты своей, а потом отправится на место вечного успокоения, под бок к отцу.

Аксинья трясущейся рукой откинула белое полотно. Попрощаться с ненаглядным родичем, посмотреть последний раз на милое лицо... Саван выскользнул из ее рук, и она медленно осела на пол. Прасковья подхватила ее, потащила к лавке, протянула ковш с водой. Закопченное, темное, высохшее, оскалившееся в непристойной ухмылке лицо не похоже на родной лик, как бес не похож на ангела. Жестокий огонь исказил цветущее жизнью лицо, высушил тело, и даже привычная ко всему Аксинья не могла избавиться теперь от этого образа...

ГЛАВА I

СЕМЬЯ

1. Раздоры

Рано сгустившаяся тьма таилась за окном, шепталась с бесами, напевала колдовские заклинания. Избу освещали две лучины, вставленные в кованый поставец. Тихо поскрипывала в задней части избы люлька. Сплетенная из липовой коры, украшенная солнцем и звездами, она, по всей видимости, использовалась не первый раз. Под нарядным белым покрывалом спал младенец. Люльку качала пожилая женщина, и в полудреме не оставлявшая своего занятия. Темные волосы ее обильно украсила седина, лицо хранило следы давней красоты и больших печалей.

Под люлькой растянулся черный кот, нахально растопырив лапы. Сидящий рядом мальчуган крутил тряпичную куклу, пытаясь оторвать голову в нарядном красном платке.

— Васька, отдай куклу. Не для тебя делана, — подняла голову от шитья молодуха. Не старше двадцати лет, ладно скроенная, с пучком темно-русых волос и тихим голосом, всем была бы она хороша, кабы не темное пят-

но, обезобразившее милое лицо. И ласковый взгляд болотно-зеленых глаз, брошенных на сына, и чуть вздернутый нос терялись под наказанием Божиим, портившим природную красу.

— Пусть побалуется, Софья, мал совсем. Я новую тряпичницу смастерю, — сказала темноволосая женщина, лицо которой пряталось в тени. Она рассыпала на дощатом столе засохшие стебли и листья трав и перетира-ла их в труху.

— Мой сын, мне знать лучше, что ему делать дозволено, а что нет. — Софья возразила все тем же тихим голо-сом, но сын ее вскинул испуганный взгляд.

— Исяаа... ись.

— Есть хочешь, Васенька. — Темноволосая женщина ссыпала последнюю горстку травы в мешок и встала из-за стола. — Сейчас каши поедим.

Легким движением она вытащила из печки небольшо-й чугунок и стала соскребать остатки со стенок. Те-перь стало видно, что она молода, немногим старше Со-фьи. На узком лице горели темные глаза, чуть вытянутые к уголкам. Они выдавали инородческую кровь, текущую в ней. Темные волосы чуть пушились на висках, выбив-шись из косы. Ладная фигура, небольшие руки выделяли ее среди крестьянок, обычно пышных и ширококостных.

— Аксинья, отдай моего сына. — Софья выдернула у темноволосой молодухи ложку, принялась кормить сы-на сама, ударив его деревянной ложкой по губе. Васька разнюнился.

— Сусанка твоя как на дрожжах растет на молоке. Чужих детенышей молоком кормишь... А мой Васька пусть кашей давится! — Софья звенела раздражением и даже имя Аксиньиной дочки не выговорила, а выплюнула в лицо.

Кто ж виноват, что крестили младенца в день поминовения Сусанны Солинской¹. Редкое оно, чудно звучит. Во всей округе не сыскать женки с таким именем. Аксинья звала дочку Нютой — в честь матери, но полное имя не забывала.

— Васька старше, уж отнят от груди, ему и каша согдится. — Аксинья оттеснила невестку, ласково зашептала что-то крикуну. Она улыбнулась своим мыслям и засунула ложку с кашей в Васькин разверстый рот. Мальчонка охотно проглотил рассыпчатое варево.

— Что вы ругаетесь, девоньки? — Пожилая женщина врывалась из объятий сна. — И меня разбудили.

— А как не ругаться, матушка? Голод измором нас возьмет. Или не видите, что творится?

— Софьюшка, молодая ты еще, резкая. Даст Бог, сами выживем, и дети голодными не останутся.

— Мне завтра маслица с молоком должна принести Дарья... сыпь с лица ее сошла, — проговорила Аксинья. — Сказала, расплатится.

¹ Сусанна Салернская (Аксинья искажает имя) — святая преподобномученица.

— Ты обещаешь, обещаешь, а толку... Не могу я тут. — Софья сорвала с крючка платок и тулуп, выскочила на улицу.

Аксинья и Анна переглянулись. Сытый Васька крутился волчком, ничуть не расстроенный выходками матери.

— Да, доченька, неладное что-то творится с Софьей.

— Она как сухое сено, любая искра — вспыхивает. Изменилась.

— Все мы стали другими, — вздохнула Анна и затащила протяжно:

Бай-бай, бай-бай!
Спи-ко, Нюта, в зыбке старой
На периночке пуховой.
Бай-бай, люли, бай,
На периночке пуховой —
Много перья петухова...

— Спит Нютка?

— Спит. Посапывает тихонечко. Чудо-дитя, радость моя на старости лет. Ей да Васькой живу, о них молюсь и забочусь, — бормотала Анна себе под нос.

Аксинья подошла к люльке, отодвинула белое покрывало и нежно поправила одеяло. Несколько мгновений она не отрывала взгляд от крошечного носа и румяных щек.

— По сию пору поверить не могу. У меня — дочь... После стольких лет... Проснусь ночью — и вздрагиваю. Привиделось — иль правда.

— Такое счастье не привидится, — устало улынулась Анна.

— А ты кто? Что ж такое делается? — Их приглушенный разговор был прерван истошным криком Софьи.

— Да что приключилось опять? Матушка, сиди. Я посмотрю, что там Соня надрывается.

Васька оживленно крутил темной кудрявой головенкой. Отбросив в сторону тряпичную куклу, он, чуть пошатываясь на крепких ножках, пошел к двери вслед за Аксиньей.

— И тебе, внучок, любопытно. Сейчас, все узнаем, — отвечала Анна тем напевным голосом, каким обычно обращаются женщины к детям.

Аксинья в легком летнике¹ вышла на крыльцо. Возмущенная Софья уставилась на ребенка, закутанного в тряпье. Сверкали испугом темные глаза, все остальное спрятано было под тряпками.

— Ты смотри! Стоит и ответить не может. Немой, что ль? Что молчишь, будто в рот водицы набрал? Ну-ка говори! — Софья опять перешла на крик.

— Когда-то Мышкой я тебя звала... Ошибалась, ты будто собака... Лаешь, лаешь...

— Что?

¹ Летник — женская легкая верхняя одежда крестьянского покроя с длинными широкими рукавами.

— Пошли в дом. И ребенка веди. Отогреется, может, скажет словечко. — Аксинья погладила плечико ребенка и отворила дверь.

Нежданный гость шмыгнул в избу и прижался к теплomu боку печки, будто к матери родной. Сгорбившись, он сел на пол, обнял колени, бесприютным зверенышем смотрел на женщин.

— Аки! — радостно завопил Васька, следом из колыбели донесся писк. Возня и шум разбудили младенца.

— Ах ты, Нютка-прибаутка. Голодная? Сейчас-сейчас.

Анна вытащила девчущку из люльки и подала Аксинье. Скинув летник и расшнуровав рубаху, та вытащила полную грудь с синими прожилками и подвинула темноволосую головку дочки к набухшему соску. Софья с осуждением взглянула на золовку, хотела что-то сказать, но ласковый голос Аксиньи, обращенный к найденышу, перебил гневливые слова:

— Ты не бойся, не обидим тебя. Чей ты, что на крыльце нашем делал? — Ребенок не отвечал. С открытым ртом он смотрел на Аксинью, ее белую грудь и умиротворенное лицо.

— Ишь как смотрит. Тоже, поди, присосаться хочет. — Софье не давал покоя ребенок.

Найденыш скинул с головы дырявую тряпицу, что заменяла платок. Мальчик лет десяти, тощий до изнеможения, с тонкой шеей, он казался забитым и голодным. На голове колтун темных волос, не знавших гребешка. Под

черными глазами наливались синяки. Темные ресницы, искусанные губы, грязная шея.

— Кто ты, мальчуган? — Аксинья улыбнулась дочке, засунула сосок в маленькие розовые уста. Нюта выплюнула его. — Наелась, зайныка? Пора баиньки.

— Г-г-гр-ря... — Мальчик не отрывал взор от ворковавшей Аксиньи. — Г-г-р-ряз-з-ной.

— Грязной? Прозвище твое. А имя?

— Г-г-р-ряз-з-ной. Грязной. Грязной, — твердил мальчонка, и страх копился в его взгляде, сотрясал тело мелкой дрожью.

— Ничего он нам не скажет. Устал, продрог, измучился. Софья, принеси подушку на лавку да тряпки накрыться. — Невестка подчинилась Анне, но всем видом показывала, что не рада привечать отребье в доме.

Скоро погасили лучину, и все обитатели избы погрузились в счастливый мир сна. Незванный гость ворочался на лавке, иногда всхлипывал, и губы его шевелились.

Утреннее солнце еще не поцеловало запечатанные льдом окна, когда бабы начали обычные хлопоты по хозяйству: затопить печь, наварить похлебки отощавшей скотине, почистить двор, замесить тесто... Каждая занималась своим делом. Найденыш крутился под ногами, пытался помочь, хватал бадью с водой, Софья на него шикнула, Аксинья в утренней суете не обращала внимания, он, не найдя ничего лучше, подсел к Ваське и принялся мастерить ему что-то из березового полешка.

— Ты бери лопату да помогай мне двор чистить. А к сынку моему не лезь. Вшей, поди, полная башка. — Софья заметила безделье мальчишки, и тот молча принялся натягивать свое тряпье.

— Как ты в рванине такой ходишь? — Анна покачала головой. Худосочные колени, локти торчали сквозь обильные прорехи Грязного. — Софья, дай ему Федину одежду. Велика будет — не страшно. Посмотри-ка на дне, его детские вещи я схоронила.

— Мужнину одежду этакому оборванцу давать, — пробурчала та, но пошла в клеть и загромычала крышкой сундука. Вытащила целый ворох тряпья, кинула что-то мальчику, и тот быстро облачился в новое. Будто справнее и светлее стал в новых портах, белой рубахе с заплатками и потрепанном, но прочном зипуне.

— Чей ты будешь? Кто родители твои? — Весь день Аксинья и Анна пытались пробиться сквозь молчание, сковавшее язык мальцу, но узнать более ничего не смогли. Он хранил свои секреты. Или попросту был слабоумен.

Бабы оставили его в покое. Не хочет рассказывать правду, так кто ж заставит его?

— Малец работает на совесть, — одобрила Анна склонившегося над миской Грязного. — Весь двор расчистил, до досок доскреб. Ешь, парень. На здоровье.

Скудный обед поделен был поровну, каша, заправленная каплей масла, исчезла в тарелке мальчугана за мгновение.

— Оголодал, бедолага, — светло улыбнулась Аксинья.

Софья молчала и супила брови. Ее прорвало, хранить молчание она разучилась за прошедший год:

— Нам свою детвору прокормить бы. Знаю, что привечать сирых и убогих — христианский долг наш. Но не в такой час... бедствий.

— Выгнать нам его на мороз? Да? — Анна, вспливав, резко встала из-за стола, но охнула, схватилась за спину.

— А насчет головешки права невестка. — Аксинья подошла к Грязному и поддела всклокоченную прядь. — Стричь волосы будем.

— Неряха окаанный. Сами стригите найденыша своего разлюбезного. — Софья подхватила на руку Ваську и ушла в бабий угол: расхлебывайте, мол, сами.

— Мне не привыкать. У Фимки на голове гнездо целое было. Будто вчера стригла патлы его. Где-то бродит он? — вздохнула Аксинья.

Рыжий Фимка, сын бедняка Макара и Феклы, когда-то был наперсником Аксиньи, работал на скотном дворе и в огороде, превратился в кого-то вроде младшего брата, помогал во всех делах, смешил и поддерживал...

— Помер твой Фимка давно, — и тут не умолкала Софья. — Будто не знаешь, что творится в Москве. Съели его литовцы да кости обсосали.

— Типун тебе на язык, невестка. Сладу нет с тобой. Злобой вся изошла.

— Злойбой? Легко думаете... так... Годов мало, а жизнь будто закончилась. Оксюшка сама путь выбрала потаскуший. А я... я почто страдать должна?

Женщины молчали.

Лязгали старые ржавые ножницы в руках Аксины, испуганно сопел мальчишка, темные лохмы падали на бревенчатый пол избы. Обстриженные волосы неровно торчали, закручивались, курчавились на висках.

— Как у мужа моего, покойничка, — пробормотала Анна.

— В печь все кидай, парень, чтоб и следа не осталось. — Аксиныя поддела носком домашнего чобота¹ волосы с белеющими гнидами. — Все от Бога.

— Не нужен нам вшивый оборванец, правда, Васенька? — не умолкала Софья.

— Невестушка, в церковь сходи, помолись. Нет покоя тебе — и нам не даешь. Угомонись. — Анна говорила размеренно, но слова ее веским камнем упали в тишину.

— Не мне грехи отмаливать надобно.

— Хочешь, чтобы повинилась я перед тобой? Винилась, и не раз. Как прощение твое заслужить? — Аксиныя ополоснула руки под умывальником.

Теперь молчала Софья. Пятно, обезобразившее лицо ее, стало еще темнее, глаза наполнились слезами, губы дрожали. Будто не она начала свару, называя золовку

¹ Чобот — сапог с коротким голенищем.

паршивыми словами. Васька подошел к матери, прижался к ее ногам, умильно улыбнулся.

— Один ты матушку свою любишь, сыночек, — расстрогалась Софья. Она взлохматила темно-русые волосы и вскрикнула. — Паскудник, сейчас получишь ты...

Грязной выскочил на улицу, на ходу успев накинуть недавнюю обнову — тулуп.

— Невелика беда. Оброс Васенок, давно говорила, стричь пора. — Свекровь попыталась вновь утихомирить невестку.

Вновь скрипели ножницы, орал Васька — разгневанная мать поцарапала ухо. Кот, спрыгнувший с полатей, наблюдал за суетой и умывался, высовывая длинный шершавый язык.

— Вернуть надо Грязного, озябнет. — Аксинья качала люльку и с тревогой смотрела на дверь.

Нескоро мальчишка прокрался в избу, свернулся клубочком у печки и пугливо косился на Софью. Ее он боялся, будто домовая мышь кота-охотника.

* * *

Дни летели птичьей стаей, и скоро к Грязному привыкли. Он редко разговаривал, но бессловесность его не полыхала злостью или скудоумием, он был не хуже других детей, а может, в чем-то и лучше. Маленький, худой, жилистый, он справлялся со всеми возложенными обязанностями: рубил дрова, чистил снег, топил печь, кор-

мил скотину, таскал воду с реки. Акси́нья недоумевала, глядячи на постреленка: откуда сила берется в маленьких его руках. Грязной стал для бабского царства Вороновых подспорьем. Но и трудолюбие его не растопило сердце Софьи. Она насмеялась над ним, звала Шпыньголовой и отгоняла найденыша от детей.

К возмущению Софьи, ее сын воспытал нежностью к Грязному. Неважно было Ваське, что парнишка зашуганный, молчаливый, странный, он, как и все малые дети, смотрел в нутро человеческое и чуял там доброту и мягкость. Долгими темными вечерами Грязной мастерил из бересты игрушки — коней, зайчиков и прочую живность.

— Агаси, — улыбался Васька. — Заси, вось, куся. — В противоположность другу он отличался бурливой разговорчивостью. Только ничего в словах его разобрать было невозможно. Подходя к колыбели, Васька тянул Нюте берестяные фигурки, которые сразу отправлялись нетерпеливой ручкой в рот, тщательно пробовались на вкус. Подскочивший Грязной вовремя вытаскивал из жадного рта поделки, а Васька бывал бит за проказы свои.

— Не безобразничай, подавится сестра — худо будет, — внушала ему Акси́нья, но по рожице парнишки совершенно невозможно было понять, осознал ли он всю пакость своих деяний.

— Акси́нья, догадываюсь я, чей Грязной. — Анна смотрела на детей, и легкая полуулыбка красила ее увядшие

губы. Скрученная нитка ловко наматывалась на веретено.

— Так чей же? — Иголка выскользнула из рук Софьи и затерялась на полу. Пока она крутила головой, Грязной иголку нашел и протянул зловредной молодухе.

— Зоркий, — похвалила Аксинья, а разговор о мальце и его родителях потух, как огонь на мокрых поленьях.

* * *

Близился светлый праздник Рождества. Морозы напали на деревеньку, как тати из темного леса. Еловая — семнадцать домишек, вытянувшихся вдоль Усолки, — готовилась к светлому празднику нехотя, из последних сил. Прошедшее лето с ливнями, поздними заморозками, градом с голубиное яйцо и ненастная осень оставили полупустыми житницы. Недород ржи и ячменя — голодный скот, голодное брюхо.

Сочельник близился, а хозяйки, прежде сбивавшиеся с ног у печи, горестно разводили руками. Стол праздничный мало кто отличил бы от каждодневного: каша, горох, репа, лук да капуста. Аксинья приберегла в леднике тушку зайца, плату за знахарские услуги.

Софья в праздничных хлопотах участвовать не спешила, занятая починкой сыновьей рубахи.

— К родителям я с Васёнкой поеду, проведать хочу, внука показать.

Аксиньины брови сами собой поползли вверх, но говорить с невесткой не стала. Слово молвишь — ушатом грязи окатит.

— С кем поедешь?

— Семен с Катериной к родичам направляются, я на медни обговорила с ними.

— Добро.

Софья цвела редкой улыбкой, напевала что-то вполголоса, тормошила сына, баюкала Нютку.

— Ах ты, моя краса, — напевала она девочке, а та щурила чудно-синие глаза, смешно морщила крохотный нос и приязненно смотрела на тетку. Федина вдова не переносила на ребенка грехи матери. И в том радость Аксинье.

Накануне светлого праздника Софья увязала вещи, подхватила на руки тяжелого уже Ваську и вышла к воротам. Аксинья с матерью их провожали, будто в долгую дорогу — а ехать-то до села Борового всего пять верст. Софья на родственниц даже не смотрела, вытягивала шею, разглядывала, выехал ли со двора Семен Петух. Скоро старые сани остановились перед избой, Семен помог молодухе взобраться на седелку, подкинул Ваську, остановился у ворот:

— А вы к родичам не едете? А, Аксинья? — Светлорусая прядь скользнула на лоб, и он отбросил ее, сбив шапку с плешивой беличьей оторочкой на затылок. — Почто дома остаетесь?

— Нам и дома хорошо, — улынулась Акси́нья и поймала испуганный взгляд Катерины, Семеново́й жены. Большеглазая, с круглыми щеками и пышным телом, она раздобрела. «Хорошо за мужем добрым жить», — мелькнула у Акси́ньи лисицей-огневкой мысль.

— Так вы в гости приходите, медовухи попьем. Ваньку повидашь... и Нютку с собой бери. Молочные брат с сестрой ведь, не чужие дети у нас. Да, женка? — повернулся он к Катерине. Та лишь кивала. Послушная, молчаливая, покорная. Какой и надобно быть.

— А мать твоя, Маланья, порадуетя? — не смолчала Акси́нья.

Семен молодцевато гикнул, две лошадки резво снялись с места.

— А куда ей деваться? — ответил уже на ходу.

Анна подхватила дочь под локоток и потянула в избу. Нечего лясы точить с чужими мужьями. Помахали на прощание, медленно пошли в избу, где малая Нютка под приглядом Грязного осталась. Щеки Акси́ньи зааляли небабьим румянцем, зеленый наглый взгляд мужика разгонял кровь. Сколько лет уж прошло, а для него все по-прежнему. Как десять лет назад.

— Ну слава тебе, Господи. И она развеется, и мы отдохнем трошки. А уж парнишка вздохнет спокойно. Поедом ведь Софья ест Грязного.

— Матушка, не любят Софью родичи. Порченой считают... и в гости она к ним не рвалась никогда. Раза три

была-то в родной деревне за все годы. С чего вдруг решила поехать?

— Да кто ж знает ее. Странное дело, поездка эта к родителям, твоя правда, Оксюша. Как вы тут, хозяйничаете? — уже детям, угукающей в люльке Нюте и Грязному, трясущему перед ней погремушкой — овечьим пузырем с зелено-желтыми камешками гороха.

— Угу, — мотнул головой мальчишка.

Семья весь день предвкушала богатый стол. Грязной круги наворачивал вокруг стола, втягивал ноздрями незнакомый запах запеченной в печи зайчатины, давно томившейся, исходившей соком.

— Завтра светлый праздник Рождества, не подобает встречать его с пакостью в теле... Да и в душе, — вздохнула пожилая женщина, вспомнив Софью. — Банный день сегодня у нас.

Грязной таскал воду с реки, Аксинья поставила большой медный котел на печь — грели воду. В большую деревянную лохань ковшиком долго черпали исходящую паром воду, лили студеную речную водицу. Первой в теплую лохань с золой опустили Нюту, забавница бултыхала ногами-руками, шлепала по воде, смеялась... Аксинья с ног до головы промокла, но дочка сверкала чистотой.

— Скидывай одежду, лезь в воду, — спокойно, но строго сказала Аксинья.

Грязной смотрел на женщину зверенышем.

— Не.

— Предлагаешь посадить тебя за стол с черной шеей? Не надейся. Мы будем зайчатинку есть, а ты голодным ходить. Хватит, привыкай по-новому жить.

Мальчишка вздохнул, поглядел на дверь, но спорить побоялся. Медленно стал стягивать с себя рубаху, следом порты, развязал тряпицы на ногах. Аксинья с ужасом смотрела на тощее тельце, которое землистыми и сиене-черными пятнами лихоманили синяки: на груди, животе, руках... Опытный глаз знахарки сразу приметил неровно сросшиеся ребра, след давнего удара. Анна прикрыла рот рукой, сдержала вскрик.

— Да кто ж так тебя? Что за изверг? — возмутилась Анна.

— Ты в услужении у кого был? — Аксинья погладила мальчишку по стриженной голове.

— Батя, — разомкнул парнишка губы и залез в лохань. Прикрывая стыд рукой, он тер золой и вехоткой тело, неловко косился на баб.

— А где сейчас он, отец твой? — Не сдержать Аксинье любопытство, и жалость не укротить.

Грязной не отвечал. Он скукожился в лохани, прикрыл глаза, будто заснул. Темные ресницы отбрасывали тени на впалые щеки. Спустя некоторое время Аксинья потрясла парнишку за плечо:

— Вылазь. Остыла водица-то.

Парнишка промокнул тельце утиркой, морщился, когда задевал особо смачные синяки. А выхлебав миску ароматной похлебки с травами да овощами, он внезапно

открыл рот. И будто прорвало его. Будто в лохани той отмокла душа его, отпарилась грязь, отвалилась заскорузлой коркой, обнажила страхи и надежды.

Грязной

Сколько помнил он, жили впроголодь, по чужим дворам. Родители сказывали, был у них дом хороший, да уехали оттуда. Почему — бог весть. Покинули родные места, выстроили дом новый — а он сгорел. Так и скитаются по чужим людям. Было в семье трое детей — две девки и сын, Грязной. Осталось двое. Средняя сестра померла с голоду.

Соломенная лежанка, тряпки вместо одеяла, замусоленные миски, вши и блохи.

Отца они видели редко, он искал работу в соседних деревушках, нанимался за кусок хлеба и чарку хлебного вина чистить овины, латать сараи и нужники. Самая грязная работа, скудная плата. Семье ничего не перепадало, питались они объедками с чужого стола. Грязной привык. К одному привыкнуть сложно — отцовой ярости.

Отец худой, злой. Мать бил, Грязного бил. Сестру не трогал почти. Так, с устатку.

Матери кричал слова обидные. Ругал ее последней... Нет, язык не поворачивается повторить такое. А мать не спорила. Не редела. Грязного только в сенник отправляла, что к сараюшке вверху пристроен. Мол, залезь, схоронись, батя тебя не найдет. А Грязной знал уже, это

не поможет. Спрячешься где, потом вдругорядь яростнее отлупит. Мол, наука тебе.

Дальние родичи, сами голытьба с четырьмя детишками, пустили по доброте душевной. Мать и детей звали иногда к столу, давали обноски со своего плеча. Грязной уже стал называть домом щелястую сараюшку, где последние три месяца ютилась семья.

Наступила зима, и каждый вечер Грязной пытался согреться под дырявым тулупом. Мать заболела седмицу назад, шептала: «Больно, Господи», сейчас она заснула, перестала стонать. Грязной откинул тулуп, пригляделся: затихла, улыбнулась вроде. Он обрадовался. На поправку пошла. Рядом мычала худая корова, ребра проступали сквозь ее плешивую шкуру. А мать лежала спокойно на куче тряпья. Ревела сестра, размазывала слезы по веснушчатому лицу.

— Улыбаешься, дурень? — Сестра старше лет на пять, а нос задирала, будто взрослая. Да и вообще злая. Как отец.

— Спит ведь.

— Не спит она... Мертвая.

Он стал трясти мать, кричать: «Проснись! Ты живая!» — а она ничего не отвечала своему младшему сыну, и сон ее был бесконечен. Сестра отогнала мальчишку от тела матери, буркнула: «Иди за теткой, а потом отца ищи».

— Ублюдок, те... че? — Язык тятин не ворочался, застревал в словах, как гребешок в колтунах.

Отца Грязной нашел, лишь оббежав все дома.

Услышав скверную весть, отец избил Грязного. По обыкновению.

Схоронили мать, нищенские поминки еле вытянули... И скоро родичи выгнали вдовца-пропойцу на улицу, сладу с ним теперь и вовсе не было. Сестре повезло — они согласились приютить ее, оставили, чтобы она нянчилась с ребятишками.

Отец и сын ночевали в сараюшках, заброшенных домах, просились в богатые дома. Порой из жалости их привечали. Но скоро гнали прочь, отец не мог ужиться ни с кем. Он цеплялся к каждому слову, взгляду, движению. Бил еще яростнее. Материл злее.

Во время очередного бесконечного пути от села до села отец, пряча лицо под колпаком, подошел к высокой изгороди и ткнул Грязного к воротам:

— Здесь жить будешь. С тобой, спиногрызом, валандаться не собираюсь. На грех пойду, пришибу.

Отец всегда приносил Грязному боль, мучения, горести. Но не теперь. Этот день стал самым счастливым в паскудной жизни маленького оборванца.

* * *

— Иди сюда, — притянула к себе Аксинья парнишку, погладила ежик волос.

— Вы не прогоните меня?

— Нет, Матвей, не выгоним. Здесь твой дом. — Анна улыбнулась.

— Я Грязной, не Матвей. Так меня все кличут.

— Грязной — не имя, а прозвище. А мы звать тебя будем Матвеем.

— Матвей... Матвейка... Мне по душе. Вы не выгоните меня? Скажите. — Он сыпал словами, будто камешками на речном берегу.

— У нас будешь жить, не бойся. Как мы теперь без тебя.

Нюта уже давно сопела в своей люльке, отмытый мальчишка свернулся клубочком на узкой лавке, Уголек обнюхивал углы и тревожно косился на печь. Чуял мышей или домового.

— Софье правду скажем?

— Не будем таить.

— Но она... Матушка, она и так невзлюбила мальчишку... А как узнает, сожрет нас...

— Ничего, покричит и замолкнет. Куда денется, я хозяйка в этом доме.

Остаток вечера они провели в молчании. Каждая дивилась в душе прихотям Божьей воли, которая привела к ним Грязного.

* * *

— Идет, гузкой трясет.

— Девку свою тащит, в церковь-то зачем?

— Дитя греха. Отмолить хотят. А не получится!

— Ишо парнишку какого-то подобрала.

— Мож, ейный выпороток¹. В девках родила да припрятала до поры.

— Дарья, ты языком не молоти. Приблудился хлопец, у них теперь живет.

— Растлит парнишку.

— И Анька под стать дочери-блуднице.

— Вольна баба в языке — а черт в ейном кадыке, — мужской голос перекрыл кудахтанье.

Аксинья почувствовала волну благодарности к Игнату. Один из немногих односельчан, кто не сторонился ее, помогал, привечал добрым словом. Когда-то Григорий, муж Аксиньи, взял в подручные шумного, говорливого парня, выучил своему мастерству. Теперь Игнат — хозяин кузни. Вместе с Зоей живет он в той избе, где когда-то Аксинья хлопотала, ждала мужа, верила в свое счастливое будущее.

Не надо окуняться в прошлое, омут затянет с головой.

— Здоровья вам. Это ж откуда молодца такого взяли? — Игнат догнал их, кивнул Аксинье, наклонил голову в знак уважения перед Анной, улыбнулся мальчишке.

— Сам пришел.

— Ишь как! Хоть мужик в семье будет. Как звать-то мужика?

— Матвейка.

¹ Выпороток — недоносок.

— Доброе имя.

Нюта зашевелилась, забарахталась в завертке из овчины. Раскритится — опять бабы яриться начнут. Дочка тяжелая. Кроха вроде, а руки немеют. Или сил у Аксиньи мало?

— Игнат, ты как? Как дети, жена? — Аксинья отвела разговор от Матвея. Не догадается Игнат, но лишние разговоры не надобны.

— Зойка вона со старшей идет. Младшую с бабкой оставили. А я... Руки побаливают. Скажи средство, Аксинья, мочи нет, ночами скриплю зубами от болести.

— Приходи, Игнат. Чем смогу — помогу.

Дорога до Александровки не длинна. Всего-то три версты. А путь долгий. Под ехидными взглядами и злыми словами. Будто что украла у них Аксинья и отдавать не хотела. Уж много месяцев трепали имя ее окрестные бабы, и все удержу им нет. В глаза не говорили. Сторонкой обходили, боялись знахарку, ведьму. А за спиной помощами плескали.

И не скажешь им слово ответное.

Правы. Грешница. Похоть тешила. Мужа родного в острог загнала. Брата уморила. Отца до смерти довела.

Все про нее, Аксинью.

Длинные мысли, липкие взгляды. Аксинья знай себе идет, о своем думает. Дочь Нютку крепко к себе прижимает. За Матвейку радуется. А матери худо сейчас живет. Привыкла к уважению, к долгим разговорам с соседками, к жизни без страха. Все это дочь у нее украла.

Дорога, укатанная санями и сотнями ног, блестела при свете месяца. Сапоги разъезжались на скользких колдобинах. Анна не успела охнуть — упала на серый наст, как куль с мукой.

— Вставай, матушка. — Аксинья отдала Нютку Матвею, на колени встала перед Анной.

— Ох, косточки мои.

Анна кряхтела, еле встала, опираясь на дочь, разогнула крепко ушибленную спину. Старость — долгая смерть.

— Примочки сделаю тебе, и все пройдет.

— Пройдет, дочка. — Каждый шаг Анны отдавался теперь тысячами огненных игл. А рядом шептались зло-радно:

— Бултыхнулась как!

— Во как грехи тянут к земле. Бог смотрит, все видит.

— Злоязыкие гусыни, — ругнулась Аксинья.

— Молчи, дочь.

— А что они говорят... худо про тебя... про нас? — Мальчишка заглядывал в глаза Аксиньи, искал ответы.

— Не слушай их, в... Матвейка. Сейчас время бла-гостное... о-о-ох. — Анна на каждом вздохе глотала сто-ны. — Сын Божий родится. Не время сквернословить.

Живут с дочерью отшельницами в своем дворе, толь-ко по надобностям выходят — и мало слышат гадостей. А здесь собралась вся Еловая — пешком ко всенощной

идут. И грешниц по дороге чихвостят. И распяли бы... иль камнями закидали. Да трусливы больно.

Не осталось в Анне уважения к людской породе. Чем больше живет на свете, тем страшнее видится нутро человеческое. И сама далека от праведности, как земля от неба, столько ошибок сотворила — не перечесть. Да не занимает свой ум чужими прегрешениями и ошибками — свои да дочерины отмаливает.

Давно пора ей в мир иной. Да страшно. Навеки корчиться в аду. Анна сглотнула слюну и продолжила путь. Только дочка да внуки держат ее на этом свете.

* * *

Софья вернулась шумная, радостная, чужая.

— Хорошо погостила? — Аксиныя накрывала на стол, выставляла остатки скудных праздничных яств.

— Ой, сладко. По родителям соскучилась, по родичам. Васеньке они по нраву пришлись. Да, сына?

— Негу, — непонятно ответил тот и ткнул лбом в Матвейку. Паренек подхватил Ваську под мышки, шутиливо подкинул вверх.

— Отцепись ты от сына. — Софья спрятала улыбку. — Вижу... Вы его не прогнали. Одежу дали, накормили. Шел бы дальше... побираться по деревням.

— У нас он жить будет, невестушка моя. Места и еды всем хватит. Ты смирись, утихомирься. — Громкий голос

Анны заполнил избу. У нее всего-то и осталось, что голос. Силы таяли с каждым днем.

— Вы очумели, матушка? Аксинья! Не буду с грязнулей... как его, Грязным жить!

— Матвейкой, — не смолчала Аксинья.

— Что?

— Матвейкой его зовут.

— Да хоть святым Матфеем зовите.

— Не богохульствуй, София.

— Не тебе, Оксюшка, проповеди мне читать.

— Да не кричи ты.

— Матушка, вы выбирайте. Или оборванец этот — или я с внуком вашим.

— Воля твоя.

Аксинья поразились спокойствию матери. Не безделицей угрожает Софья — внука собирается увезти из отчего дома... Может, пустые угрозы сварливой бабы, а может, и скверное будущее разлученной семьи.

— Хотите вы, чтобы мы уехали? Да? — допрашивала Софья.

— Не хочу. Мне Васятка дорог, он кровь сына моего, Феденьки.

— Тогда выгоните Грязного. Не нужен Шпынь-голова нам!

— Так не могу из двух внуков одного выбрать.

Софья осела на лавку, скомкала в руках подол платья.

— Внука? Это что ж получается?

— Брат он твоему Ваське. Сын Федин.

— Да как же... Чей?

— Соседка одна... Не устояла...

— Замужняя шлында? Та самая? Говорили о ней, и Федя тогда... Очередной позор на дом наш!

Матвейка с Васяткой возились, не вникая в распри взрослых. Младший вцепился в хвост кота, а старший отцеплял ручонки его. Уголек возмущенно мяукнул, вырвавшись из плена, вскочил на поставец и спрятался за большим кувшином. Тот зашатался, упал на пол и разлетелся на черепки. Как худой мир в избе Вороновых.

Все посмотрели на разбитую посуду. Аксиныя опустилась на колени перед кувшином. Жаль. Доброе судно¹, с отцовским клеймом на донце.

— Машка родила его. В нашей бане родила. От моего сына. — Анна вдавливала слова в растерянное лицо невестки.

— Так, может, не его. Мало ли с кем...

— Ты посмотри на Матвейку. Он на Федьку похож боле, чем Васька. Лицо одно, повадки те же. Мой внук.

В далеком 1598 году открылся грех замужней соседки Марьи. Понесла она не от маломощного Матвея Фуфлыги, законного мужа, а от соседского сына. Припадочный Федька мужчиной в деревне не считался, но обрюхатил Машку во время одной из жарких ночей. Муж бабу избил и выгнал из дому. Вороновы ее приютили, но огла-

¹ Судно — русское название посуды, из которой вкушали пищу.

ски боялись пуше пожара. Машку муж все ж простил, забрал вместе с сыном, нареченным в честь него, из Еловой уехал. С той поры Вороновы ничего не знали о судьбе Матвейки. Рождество 1608 года вернуло Анне внука, а Аксинье — братича¹.

Коляда, коляда,
Ты подай нам пирога.
Пряников медовых,
Яблочек моченых.
Кто не даст пирога —
Мы корову за рога
Уведем со двора.

— Софья, дай детишкам коврижек.

Молодуха отворила дверь, впустила в избу морозный воздух и стайку колядующих девок и парней в вывернутых тулупах, с измазанными золой лицами и куражом в глазах.

— Угощайся, коляда, — протянула Софья коврижки.

Угощенье мы возьмем
И колядку вам споем.
Ты с пятнистой рожей
Напугать нас можешь.
Чертом ты отмечена,
Он прискачет вечером.

¹ Б р а т и ч — сын старшего брата, племянник.

И невестушка твоя —
Та ёнда¹ последняя.
Не от мужа родила —
Кузнеца скалечила.
Ведьмы сглазливые обе —
Тьфу, все стойте на пороге.

Софья отшатнулась, молодежь громко хохотала, радуясь, что так ладно спел высокий паренек с хриплым голосом. «Средний сын Дарьи, Глебка», — поняла Аксинья. И тоже злобой полон. Как и мать.

— Берите ковриги, идите прочь.

— Коляду прогоняете, — кривлялся Глебка, тарасил наглые бледно-голубые зенки. Остальные молчали.

— Еще раз к дому моему подойдешь — пожалеешь. — Аксинья в злости забыла об осторожности. Выхватив из рук Софьи блюдо с коврижками, она кинула их под ноги колядовщикам:

— Ешьте, коли не подавитесь.

Они выскочили из избы, будто ошпаренные. Постряпушки валялись на соломе, устилавшей пол.

— Матвейка, подними. Не дело хлебу валяться, — кивнула Аксинья.

Мальчишка собрал коврижки, две из них отправил в рот. Вечно голодный.

— Не могу я так больше, — всхлипнула Софья. — Ваши грехи намертво ко мне прилепились.

¹ Ёнда — гуляющая женщина.

2. Дурная слава

Ванька рос толстым, пухлощеким, спокойным. Акси-
нья ощущала его тяжесть и приятное сопение. Серо-зе-
леные глаза с веселым любопытством уставились на нее.
Светлый пух на голове, изогнутая луком верхняя губа.
Мальчонка втянул воздух, захватил губами ее рубаху,
натянувшуюся на груди.

— Молоко чует, — улыбнулась Акси-
нья. — Пом-
нишь, карапуз, как кормила тебя?

Катерина неласково посмотрела на соседку, забрала
Ваньку, прижала к себе.

Быстро все забылось. Ванька, Семенов сын, появился
на свет тем же летом, что Акси-
ньянина Нюта. Первые пол-
года Акси-
нья кормила, жалеючи, соседского каганьку¹.
Мать его, Катерина, осталась без молока по прихоти при-
роды и каждый день носила к соседке сына. В разбухшей
груди Акси-
нья молока хватало на двоих с избытком: к
одной груди она прикладывала крикливую Нютку, к дру-
гой — спокойного Ваньку. Катерина таскала гостинцы,
ревела от избытка благодарности, кланялась до земли.

Маланья, мать Семена, на соседку крысилась, не ра-
да была, что Акси-
нья спасла внука. От злобы той нашла
она выход — приискала в Соли Камской козу с козлен-
ком, привела ее в свой хлев, Ваньку поить стали жирным
козьим молоком.

¹ Каганька — ребенок, младенец.

Сейчас поехала вздорная Маланья гостевать у сестры в Соли Камской, лишь потому Аксинья с Нюткой пришла к соседям.

— Поженим Нютку твою с моим Ванькой, а, Аксинья? — Семен хлопнул дверью и требовательно повел бровью. Катя подскочила с кувшином, полилась тонкой струйкой водица, мужик зафыркал, ополаскивая лицо.

— Да что ж загадывать. Рано еще.

— А можно Илюху, он постарше. Глянь, серьезный какой, основательный муж будет.

Пятилетний Илюха, наголо стриженный, смотрел на гостей волчком. Когда понял он, что отец говорит о нем, то хмыкнул недовольно.

— А ты молчи, неслух. — Отец отвесил ему легкий подзатыльник. Илюха надулся.

— Хороший жених, — одобрила Аксинья.

— У нас не срослось — так пусть Илюха иль Ванька... — Недосказанное повисло в воздухе. Не жалел Семен жену свою, будто неживая она, истукан, не уловила взглядов и намеков, что щедро бросал ее муж госте.

Внезапно мальчонка подскочил к Аксинье и пнул со злостью по ногам. Она отшатнулась и в недоумении посмотрела на Илюху. Сил у пятилетки, конечно, немного, да дело не в синяках, а в уважении.

— Ты чего творишь, олух? Зад по розгам соскучился? — Семен закричал так, что проснулся Ванька, а Нютка недоуменно вытаращила глаза-блюдца. — Иди к отцу! Куда полез!..

Илюха с проворством белки запрыгнул на полати, что приколочены были под потолком и использовались редко, семье хватало места и по лавкам.

— Да оставь его, он малый совсем, не понимает, — проговорила Катерина со слезами в голосе.

— Не до него сейчас. Пусть наверху посидит да подумает о поведении своем. Розги наготове у меня. — Семен показал на внушительного вида гибкий прут.

— Спасибо за гостеприимство. Пойдем мы. — Акси-
нья поклонилась хозяевам, взяла на руки дочь.

— Провожу вас. Псина у нас злая, покусать может. — Семен опередил Катерину.

Женка склонила голову. Акси-
нья заметила недо-
верчивый взгляд, что бросила Катерина на мужа. Чует недоброе. Акси-
нья на ее месте тоже боялась бы, пуше
золота мужа берегла.

Семен с соседкой вышли в теплые сени.

— Ты помощи моей проси. Без мужика тяжко. — Доч-
ка возмущенно запищала, Семен слишком близко при-
двинулся к Акси-
нье. — И ребенка одна растишь. Я ж ря-
дом.

— Жена у тебя, Семка. Сыновья.

— Да что жена... Ты знаешь ведь.

— Не балуй, не надо. Я довольно нагрешила... До кон-
ца жизни не расплатиться.

— Как знаешь. Но я тебе сказал. — Неожиданно он
впился в ее губы, просунул пахнувший ячменным пивом
язык, сжал руками. — Не забывай про меня.

— Дочку раздавишь, — отстранилась Аксинья. Во рту остался хмельной вкус пива и Семкиной похоти.

— Я своего добьюсь. — Он открыл дверь и свистнул псине. Та облаивала Аксинью, кидалась, рвалась к гостям. Семен прицепил толстую веревку к кожаному ошейнику, потрепал сторожа по загривку.

— Держи, Семен, своего пса на цепи. И себя держи, — сказала она скорее себе, чем охальнику.

Аксинья вышла на крыльцо и вдохнула свежий воздух. Не надо ей в гости к соседям ходить и наедине с Семеном оставаться. Бедовый. Зря приняла приглашение его. К Семену ходить — чертей дразнить.

— Ты что взбаламученная такая? — Анна сразу почувяла неладное. — Обидел кто? У Семки что случилось?

— Все хорошо, матушка. Твое как здоровье, болит спина?

— Лучше, Оксюша, лучше, — уверяла Анна. Себя бы убедить.

Той ночью Аксинья долго не могла уснуть, крутилась с бока на бок. Все тело будто горело под ночной рубахой, набухшие соски терлись о грубую ткань. Когда темнота полностью поглотила избу, Нютка подняла дикий крик. Аксинья зажгла лучину, вытащила мокрый мох из люльки, обмыла гладкое тельце и приложила дочку к груди. Требувательными движениями дочка втягивала сосок, кусала его, мусолила нежную кожу. Вместе с болью пришла сладкая истома, и, досыта накормив Нютку, Аксинья забылась муторным сном.

Чьи-то руки требовательно шарили по ее телу, щипали грудь, растирали срамные места, а она кричала так, что перебудила, вестимо, всю деревню. Пыталась открыть глаза, посмотреть, кто творит с ней похабство, но темный платок застилал свет, царапал веки, и Аксинье оставалось лишь смириться со своим поражением.

Много срамных снов на одну заблудшую бабу.

Чуть свет появился ожидаемый гость. Игнат принес шмат розового сала, завернутый в рогожу. Васька, Матвейка и Уголек возились возле стола, жадно вдыхали чесночный аромат угощения.

— Под ногами не крутитесь! — шикнула Аксинья и налила гостю травяной настойки. — Рассказывай, Игнат.

— Подмогни, Аксиньюшка. Мочи нет — руки ломит. Молот возьму иль топор — хоть волком вой. Младшего брательника, Глебку, взял в подручные, а сам немочный, как старик. Младший насмехается...

— По младшему твоему, хоть и вырос, детина, розги плачут. Работаешь много, тяжести поднимаешь, себя не жалеючи...

— А что младший-то мой? Сотворил что?

— Да так, я к слову, — не стала Аксинья рассказывать о святочных пакостях Глебки. — И мазь, и растирка, и травы здесь, — протянула она заулыбавшемуся Игнату сверток.

— Вот спасибо. А поможет ли?

— Должно помочь. С полмесяца еще промаешься, а потом с Божьей помощью...

Игнат перекрестился.

— Нужно здоровье мне, детей поднимать. Худое время нынче.

— Что в Москве? О чем люди говорят?

— Васька Шуйский жиреет, Шубником, слышал, его кличут. Людишки богатые — купцы да посадские — поддерживают его. Мол, крепостным теперь хозяина менять нельзя. Пятнадцать лет искать будут.

— Ой, страсти, — вздохнула с печки Анна.

— А ты, соседка, приболела?

— Как упала на дороге, на Всенощную шли, так мается матушка.

— Мне уж помирать пора. Старая...

— Не говори так, матушка. Легче станет еще.

Анна ничего не ответила дочери. Не помогут снадобья знахарские. Становилось хуже с каждым днем.

— От Григория вести?.. — Игнат вопрос начал да осекся. Не к месту вспомнил старшего товарища. Часто говорил не думая. «Торопыга», — дразнила его жена Зойка.

— Не знаю ничего. Да какие вести... Откуда они придут-то... Обдорск — край земли.

Аксинья не понимала уже, как к мужу своему относится. Любовь ушла, растворилась в мареве тех страшных событий, что перевернули жизнь с ног на голову. Ненависть питала ее, кусала сердце, подтолкнула к великому греху. Да тоже рассыпалась на части, когда Аксинья увидела, в кого превратился Гришка в солекамском

остроге. Был сильный и нахальный мужик с пудовыми кулаками, обратился в чахоточного заморыша.

Жалость? Наверное, именно она отзывалась в ней всякий раз, как вспоминала она мужа, как представляла маету его в Обдорском остроге... А то и колола нечаянным острием мысль — вдруг не дошел до места, помер в дороге, сгорел в лихорадке, жалкий, безрукий, беспомощный.

— А зачем ей про мужа весточка? У нее новые хаха...

— Софья, закрой рот. — Анна и чуть живая спуску не давала.

— ...ли.

— Пойду я. Спасибо, Аксиныя. Вам здоровья. Дети, не балуйте. — Игнат спешно покинул избу. Как и все мужики, боялся он свар бабских и ругани.

— Ты хоть людей бы, Софья, постыдилась.

— Люди уже бают, что с Семкой ты по углам тискаешься.

— А ты и рада хвостом сплетни собирать.

Невестка фыркнула.

— Как жить-то будете, когда я помру, — бормотала Анна, не сдерживая слез.

Васька сразу захныкал и подбежал к печке: мол, посадите меня, бабушку утешать буду. Анна прижала к боку теплое мальчишечье тельце и заснула.

— Совсем плоха она, — прошептала Аксиныя.

— Ты знахарка, так лечи матушку. Отчего ты помочь не можешь?

Не было сладу с тихой прежде Софьей, любимицей Вороновых, верной женой Федьки. Казалось порой Аксинье: когда Софья потеряла мужа, то с горя умерла, а вместо нее стала в избе жить кикимора, злобредная, сварливая. Каждый шаг Аксиньи она хаяла, каждое слово обливала грязью.

* * *

— Хозяева дома? — зычный грудной голос заполнил избу. Аксинья выдохнула радостно: пожаловала к ней та, с кем можно отвести душу.

— Проходи, Параскева, милости просим.

— Здравствуй, хорошая моя. — Они троекратно поцеловались, обнялись как сестры.

Прошлым летом Прасковья Репина с братом и детьми, спасаясь от ужасов Смуты, просила приюта в деревне Еловой. Староста Яков поселил семью в доме одинокой Еннафы. Грудастая веселая Параскева изо всех сил пыталась стать своей в деревне. Хлебосольная хозяйка и заботливая мать, она всегда была готова помочь еловским. Сидеть с детишками, трепать лен, ткать холст, стирать — только позовите. А звать не спешили. В деревне настороженно относились к пришлым. Чужой человек — темная душа. К Параскеве и семье ее приглядывались, оценивали, но держались настороженно. Еннафа, обозленная на весь свет, распускала сплетни про жилищу: мол, мужа отравила, а брат ее — и не брат ей вовсе, а полюбовник.

Параскева только цокала языком и беззлобно ругалась:

— Пустобрехая, экие небылицы придумала! Никаша брат мой младший, крест вам, бабоньки.

Кто верил, а кто нес дальше срамную весть о новых поселенцах за пределы деревеньки. Параскева доброжелательно кивала Аксинье при встрече, но впервые заговорили они в разгар прошлого лета, во время страды. Тот самый Никаша зашиб бок, свалившись с лошади. И Еннафа привела его, чуть не притащила на своих могучих плечах к знахарке.

Скоро стали Прасковья и Аксинья если не подругами, то людьми близкими. Вместе пряли долгими вечерами, стирали на речке, делились секретами, вспоминали прошлое, обсуждали проказы и недуги детей. Прасковья рада была поговорить о десятилетке Лукаше — и скромница, и хозяйюшка, и пригожа собой, скоро невеста, о ровне Нютки — Павке, озорном и непоседливом мальчишке.

— Здравствуй, Прасковьюшка. Как сама ты? Как дети? — Софья не выказывала неприязни к госте.

— Лукерья убежала гадать, а Никашка с Павкой колядуют где-то. Пусть дети забавятся, пока пора молодая.

— Твоя правда. Это у нас, поживших, все забавы — яство съесть да песню спеть.

— Ты, Аксинья, себя к старухам не причисляй. Ты у нас в самом соку, — подмигнула Параскева.

— Не поверишь, чувствую себя... как кобыла заезженная.

— А сколько годочков тебе?

— Четвертушки нет.

— Ох, да я в твои годы козой скакала.

— Отпрыгала свое козочка Аксинья, — влезла в разговор невестка.

— А ты, Софка, старуха. Ворчливая скареда, — не смолчала Прасковья. — Вот соседка у меня такая была... Ворчала, ворчала, так и сморщилась. Ссохлась от злобы своей.

Софья фыркнула, подхватила на руки сына и скрылась в светелке, где и проводила теперь большую часть времени.

— Ушла, и слава богу.

— Я к тебе не просто так пришла, по делу, подруженька.

— Рассказывай. Заболел кто из твоих?

— Да, угадала ты. Можем посекретничать?

— Можем, в клеть пойдем. Холодно там, зато не ульшит никто.

Аксинья отворила дверь, ведущую в комнатушку. Клеть вся была заставлена, завалена: сундуки с одеждой, утварь, связки лука и чеснока. Аксинья расчистила место на лавке.

— Когда-то отец посадил меня под замок. Несколько дней здесь сидела, судьбу кляла.

— Что ж сотворила ты?

— С мужем будущим своим по лесам ходила, травы собирала.

Параскева залилась громоподобным смехом.

— Ой, шалунья ты, Аксиньюшка, — просмеялась. — Дело молодое, все такими были... Вот и братец мой... учудил.

— Рассказывай уже.

— Как сказать-то...

— Да не узнаю тебя, что мнешься-то? Я все пойму.

— Никашка уж вторую седмицу смурной ходит. Как будто умер кто у парня. А мне не говорит ничего.

— И?..

— И чешется, как шелудивый пес. Ну я думаю, вошки грызут. Дело обычное.

— Оказалось, нет?

— Прижала к стенке детинушку. Все рассказал.

Параскева, начисто лишённая стыдливости и скромности, поведала без утайки братнин секрет.

— Сразу я тебе не скажу ничего. Подумаю, вспомню снадобье. Ты не печалься, исцелим твоего курошупа.

— Ох, благодарна как тебе... И ведь мало к кому с бедой такой пойдешь. Так бабы языками чешут...

— Надобно мне посмотреть на твоего Никашку.

— Не дастся, колоброд. Он же горазд был по девкам бегать...

— Уговори, заставь. Сама придумай, как приведешь братца ко мне.

Аксинья взяла небольшой ставец с лучиной и открыла клеть. Открыв огромный сундук с резной каймой, она ласково погладила вышитые узоры на красном са-

рафана. Венчание, пьяные поздравления, хмельные поцелуи мужа. Счастье растворилось в прошедших годах, обернулось горестями. Нарядные душегреи, летники, опашень с беличьим мехом... Недолго богатству осталось пылиться в сундуке. «Не надо жалеть о вещах, надо думать о душе», — вспомнила она отцовские наставления.

Аксинья спрятала заветную книгу, дар Глафиры, на самое дно сундука. Старинный лечебник, «Вертоград», по крупичам собрал мудрость русских и иноземных знахарей, обладателю своему он грозил наказанием, люди настороженно относились к ведовству. Муж Аксиньи ярился, грозил сжечь опасную книжицу, но намерение свое так и не выполнил. Убористые строки с заостренными буквами, искусно выполненные рисунки известных и заморских трав, тяжелые страницы, истрепавшийся кожаный переплет — и все это в обычном сундуке деревенской бабы, Аксинья улыбнулась. Но скоро лицо ее померкло. И с этим сокровищем скоро ей придется расстаться. Настанет срок.

Анна спала, тихо постанывая, слюна стекала с уголка ее рта. Аксинья стерла желтоватую водицу, потрогала лоб матери. Уж две седмицы она почти не вставала, но не жаловалась, только стискивала зубы. Дочь перепробовала все средства, единственное, что оставалось, — утихомиривать боль маковым молоком. Бессилие сводило Аксинью с ума, и она надеялась найти в лечебнике средство не только для тайной болезни Никашки, но и для мате-

риноного недуга. Да в глубине души понимала, что надежда ее напрасна.

Страницы «Вертограда» хранили многовековую мудрость, и Аксинья потеряла счет минутам. Отвлек ее громкий вопль Васьки, разбудивший Нюту и мать, переполошивший всю избу.

— Ты что за ребенком не смотришь? — выскочила из светлицы Софья.

— Не твой разве сын?

— Что... что у вас? Дочка, дай попить, жажда мучит.

Аксинья протянула матери ковш с квасом, одновременно силясь понять, что же случилось у непоседливого Васьки.

— Руки-то его, глянь только! Исцарапаны Каином. Это найденыш ваш. Говорила я, кого пригрели на шее!

— Васенька, иди к тете. — Аксинья склонилась над мальцом, тот уже успокоился и улыбался ей, ласково водил рукой по ее лицу. — Матвейка не кот, царапаться не умеет.

— Не оборванец, так кот твой нахратит сына моего?

— Ты сама видишь, Васька Угольку покоя не дает, за хвост таскает, кто ж утерпит. Царапины малые, ничего дурного не случилось.

— Тебя послушать, так... Книги ведьминские читаешь, — Софья кивнула на лечебник, — уморить всех нас хочешь.